

НЕ ЛОЖИСЯ НА КРАЮ
повесть

**ОЛЬГА
РЫБАКОВА**

Ольга Васильевна Рыбакова

Не ложися на краю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73155288

Ольга Рыбакова «Не ложися на краю». Повесть: Союз писателей

России; Москва; 2025

ISBN 978-5-6055533-5-9

Аннотация

Ксюша приезжает в ее родную деревню Берёзов, где ее радушно встречают родные. Но в уютной атмосфере семейного застолья, полного теплых воспоминаний и конфет, реальность постепенно переплетается с иным, потусторонним миром.

Вместе с загадочным родственником Мишкой, чья судьба трагически переплелась с войной, Ксюша отправляется в странное путешествие по Берёзову: они могут ходить по небу и сквозь стены, а также купить билет до важного «67-го километра», где Ксюшу ждет важная пересадка. Однако это путешествие оказывается не просто волшебным сном, а гранью между жизнью и смертью.

Повесть писательницы из Камеска-Уральска Ольги Рыбаковой – это размышление о том, как живые и мертвые поддерживают связь через любовь и память; о том, что смерть не разрывает наши связи, а лишь меняет их форму; и у каждого есть свой «Берёзов» – вечный дом, куда можно вернуться в снах, воспоминаниях и, возможно, в самом конце пути.

Ольга Рыбакова

Не ложися на краю

Повесть

© Ольга Рыбакова, текст, 2025

© Союз писателей России, 2025

© Головина Анна, верстка, 2025

* * *

Семейные застолья – испытание не для слабых духом. Все эти цветастые скатерти на расшатанном, но все еще милом и родном, столе-книжке оттенка светло-желтого лимона. Ножки-створки удерживают две половинки столешницы, по сторонам которой может рассестись бесконечное количество бабушек, дедушек, тетушек и дядюшек, братьев и сестер – родных, двоюродных, троюродных... да даже соседей – они же почти семья, девочка моя! Тетя Нина помогала накрывать на стол, когда ты родилась! На этот самый, лимонного цвета, святой вечный стол, где сейчас в хрустальных застенках томятся салаты, скучают закуски и рубиновым огнем под люстрой сияет вишневый компот. Ксю увидела это первым делом, еще из прихожей, пытаюсь одновременно скинуть обувь, снять курточку, стряхнуть шапку, приговаривая: «Бабушка,

я сама, сама, ну что ты в самом деле». Сквозь деревянную шторку-занавеску пыталась разглядеть, кто же там за столом. Подвески из полированных бусин сухо стучались друг о друга, напоминая звук, с каким шелкали счеты на прилавке старого магазина; волновались и дрожали, и разобрать лица никак не выходило. Двумя руками занавесь раздвинул дед, словно выныривал из моря – так же тряс головой, как если бы в уши попала вода.

– Это Ксюшка там? – скрипуче заорал и приставил ладонь рупором ладонь к правому уху. – Давай быстрее!

– Коля, отстань! – отмахнулась баба Даша, вешая на крючок Ксюшину куртку и прихлопывая по ней рукой, проверяя на прочность и морозоустойчивость. – Господи, пальтишко-то будто драное! Рыбий мех! Коля, уйди! Мы сами справимся!

Бусины снова пришли в движение: дед исчез. Бабушка обняла Ксю мягкими руками, уткнулась седой кудрявой макушкой ей куда-то под подбородок, зашмыгала носом и Ксю сама растрогалась, закрыла глаза и не стала смахивать слезы. От бабы Даши шел хлебный, булочный запах горячей муки, поднявшегося теста, золотых калачей, посыпанных маком. Да и сама она, как булочка, – круглая, маленькая, заполнившая собой всю небольшую прихожую. Она всегда так делала: входила в комнату и оказывалось, что ее много, что куда ни ткнишь – везде она, смеется, говорит, блестит новыми бусами. Сейчас у нее на шее в три ряда янтарная нитка. Камешки

маленькие, затянутые молочной пленкой – необработанные, только горит изнутри живой теплый свет, застывший миллион лет назад. Ксю смотрела на бабушку и не могла насмотреться, будто ни разу не видела эти ее черные глаза, ямочки на щеках, платье в мелкий сиреневый цветочек, шерстяные носки в розовых шлепанцах.

– Скоро вы? Ждем тут все, собрались, – снова высунулся дед.

– Отстань, Коля, – сказала баба Даша, не посмотрев в его сторону. Сложила руки в замок и прижала к груди. – Ишь какая красота к нам приехала, – спохватилась, взяла Ксю под локоть: – Ну пойдем, пойдем.

Дробно стукнули бусины деревянной шторки. Ксю не успела даже взглянуть в зеркало: как глаза, тушь не растеклась? Прическа? Смущенно провела рукой по голове, откидывая волосы назад. Улыбалась.

– Да тут все наши, – торопилась бабушка, вела рукой над головами. – Баба Настасья с Илюхой. Помнишь бабу Настасью? Тетя Катя, тетя Шура, дядя Дима – он говорил, что вы с ним недавно видались. Мишка... Мама Аксюта. Дедушка Петро. Вот Нина... Иринка обещалась подскокить.

Ксю посадили на высокий табурет. Баба Даша ее не представляла.

– Праздник какой-то? – робко спросила Ксю, оглядываясь за столом. Все засмеялись.

– Бери конфетки, – предложила большеглазая бабушка в

вязаной коричневой кофте. Пододвинула вазочку с шоколадными, завернутые в голубые одежки, «Мишками на Севере». – Шибко вкусные.

Ксю спохватилась, соскочила с табурета.

– Я же тоже с конфетами!

Принесла из прихожей сумку, вытащила прозрачный кулек и посмотрела на стол: куда пересыпать? Оказалось, вазочек с конфетами на столе несколько. В центре, возле компота, красовалось большое плоское блюдо, полное с горкой насыпанных карамелек – мятных, лимонных, сливочных в бумажной, неяркой обертке. Разворачиваешь такую, а она еще к конфете прилипает, остается на сладком ребристом боку. Так и ешь. Тарелочка поменьше была с леденцами в полупрозрачных фантиках – больше всего барбарисок.

У Ксю в пакете нарядная «Красная Шапочка». Обертка желтая, с красным кончиком, с рамкой из зеленых листиков, где стоит девочка с корзинкой и букетиком полевых цветов.

– Оставляй так, в мешочке, – сказала бабушка Даша, пододвинула тарелки, чтобы освободить место. – Люблю «Шапочку». Хрустящая.

– Я люблю, которые с верблюдами, как их? – заговорила баба Настасья. – В чай две ложки сахара, молока и... желтенькие такие конфеточки. Солнышко там еще, верблюды.

– «Кара-Кум», – подсказала большеглазая бабушка.

– А я пирожные люблю, – ехидно сказала девушка, стоявшая, опершись на спинку дивана и постреливая по сторо-

нам внимательными глазами. Она стояла прямо под круглой лампочкой и от того казалось, что над светлыми ее волосами золоченый ореол. Года двадцать три – двадцать пять, прикинула Ксю. – Чего вы начали? Карамелек хоть надольше хватает.

– Да так оно, Симушка, так, – вздохнув, согласилась тетя Шура и поправила брошку-цветок на зеленой кофточке. Ксюша и узнала ее по этой брошке – букетик золоченых незабудок, с детства ей нравились.

Симушка подмигнула то ли ей, то ли всем, плавно повернулась, вышла из-за дивана и оказалось, что она беременная. Живот только наметился, но платье, шитое явно еще на девичью фигуру, обтянуло, показало, все выдало. Теперь вздохнула чему-то бабушка Даша. Сказала в сторону:

– Коля, стул.

– Ой, – сказала Сима, махнула рукой и растворилась за деревянной занавесью.

– Нет у вас чупа-чупса? – тихо и тонко спросили Ксю снизу. Она опустила глаза. Девочка лет четырех в белом платьишке с маками застенчиво хлопала ресницами, с хитростью и вместе с тем с надеждой, поглядывая исподлобья.

– Таня! – воскликнула женщина от окна. – Горе ты мое! Возьми ириску!

– Хочу чупа-чупс, – капризно сказала Таня, но пролезла под столом и, оказавшись на диване, принялась деловито перебирать конфеты на большом блюде.

– Сколько лет? – спросила Ксю.

– Четыре года пять месяцев, – ответил с расстановкой од-
ноногий дядя Паша и почесал себе нос. Поднял в воздух ма-
ленькую круглую стопку, сказал: – Будем! – и выпил одним
махом, занюхал рукавом.

Ксю не стала больше садиться. Прошлась по комнате. За-
глянула в соседнюю, отделенную от зала занавеской из ни-
тей мелкого бисера, шелестящих, как вода. Там стояла в углу
кровать на пружинах, на кровати одеяло в синюю с белым
клетку, на одеяле подушка треугольником, крытая кружев-
ной салфеткой. Здесь же ковер с оленями на берегу озера,
вышитыми гладью, с желтой бахромой по бокам. Из таких
ниток можно плести косички – Ксю заплела их штук сто за
все время, что ей пришлось на этой кровати спать. На полу
полосатый палас, прикрывающий старые паркетные доски.
У стены узкий диван с мягкими поролоновыми подушками.
Возле окна комод в три длинных, друг над другом, ящика-
ми. Над комодом самодельная икона с бумажными цветами.
Бабушка Даша сама делала. По комнате гуляет сквозняк: от-
крыта балконная дверь. Снаружи ноябрь. Дождливо-снеж-
ный, промозглый, с холодным ветром, который быстро заби-
рается за шиворот, холодит руки и голову. После разморен-
ного тепла гостиной очень хорошо. Ксюша шагнула в комна-
ту и очутилась в темноте и тишине. Звуки все выключились,
будто не за занавеску зашла, а в другую квартиру. Поста-
ла, давая глазам привыкнуть. Чихнула от дыма – сигаретный

дух шел с балкона, щекотал ноздри. Ксю отодвинула легкий тюль, скрипнула дверью.

– А, привет, – равнодушно сказал коротко стриженный парень, едва на нее взглянув. – Ксюша?

– Ксю, – не согласилась она. – Мне так больше нравится.

– Как будто кошка, – усмехнулся парень. – Кс-кс-кс. Я Мишка.

– А, – сказала Ксю, решила пошутить: – Как медведь?

Мишка не ответил. Отнял от губ окурок, щелчком запустил его вниз. Рассыпались в воздухе, как крошечный фейерверк, искры.

Балкон у бабы Даши маленький, не развернуться. В деревянных рамках мутное старое стекло. Летом бабушка заставляла все цветами. Зимой хранила картошку и закрутки. Мишка стоял сейчас у открытого окна, повернув к затянутому облаками небу острый профиль. Сам в одной майке, бело выделявшейся в сумерках. Ксю подумалось, что так он похож на какой-то памятник, но Мишка шевельнулся, чихнул, прикрыв рот рукой, и иллюзия рассеялась.

– Ты с какой стороны? – попробовала снова завязать разговор Ксю.

– Надежды сын, – коротко ответил он.

– Ну, то есть кто? – все-таки уточнила Ксюша, приподнимая брови и уголки губ в доброжелательной и упрямой улыбке. – Ты мне двоюродный дядя? Троюродный брат? Четвероюродный племянник?

Мишка провел рукой по волосам, потер подбородок костяшками обветренных пальцев, посмотрел на нее.

– Все люди братья, – усмехнулся он, наконец, – особенно родственники.

Ксюша демонстративно уставилась на него в ответ, придирчиво оглядывая: вроде бы похож чем-то на дядю Ваню – размахом широких бровей, глазами; только дядя Ваня темненький, а Мишка светлее – волосы чуть рыжее, веснушки по скулам, по предплечьям рук. Да и нос у дяди круглый, курносый, как у деда Коли, а у Мишки с горбинкой, кончик носа острый. Фигурой он больше как дядя Дима – каким тот был на старых армейских фотографиях, подтянутым, «ладно сколоченным» – говорила бабушка. Подумав о бабе Даше, Ксю вспомнила и то, как они с ней усаживались за стол, писали с ней письма, чаще всего отправляли конверты в город синего озера, раскинувшегося как море, бабушке Арине, где просили передать от них «сердечный привет всей семье – мужу Василию, дочке Наде, внучкам Мише и Аркаше». Бабушка еще каждый раз заставляла ее добавлять внизу листа «писала внучка Ксюша», потом строго спрашивала – добавила? – Да – обманывала Ксю и быстрее сворачивала листок.

– Так ты тот, военный, – протянула Ксю. Мишка быстро взглянул на нее, открыл было рот и ничего не сказал, прислушиваясь.

В замершей тишине отчетливо послышался поезд. Стук колес разносился, как отсчет времени. Поезд подал тоскли-

вый гудок, потом еще один. Колеса, касаясь тонких железных рельс, вели свою нехитрую песню, которая невидимой нитью прошивала насквозь, вела за собой. Затаив дыхание, Ксю и Мишка слушали этот мотив. Когда звук растворился вдали, они глубоко вдохнули и посмотрели друг другу в глаза.

– Уехать бы, – сказал Мишка. – Господи, как я хочу уехать. Знаешь, чтобы начать с чистого листа. Оставить все здесь.

– Почему же не уезжаешь?

– Как я семью брошу, – Мишка покачал головой, снова закурил. – У меня все здесь. Мамка, батя. Сестры, брат. Племянники. Не оставишь же их. Так, иногда, поезда наслушаюсь и выбираюсь, бывает, куда поинтереснее. Брожу там, гуляю.

– Можешь перемещаться? – у Ксю загорелись глаза. – Далеко?

– Так, – Мишка выпустил носом дым. Поразмыслил. – Да хоть куда, на самом деле. Одному скучно. С Митькой раньше выбирались, а теперь он мне говорит: оставь ты меня, дай посидеть спокойно, что я там вообще не видел? Я ему: Африку что ли видел? Пирамиды? Сфинкса? Уйди, говорит, со своей Африкой.

– Я видела сфинкса, – лягнула Ксю и покраснела.

– Так это и правильно! – Мишка развернулся, обоими локтями уперся в деревянную рамку, запрокинул голову в небо. – Надо смотреть как можно больше, пока время есть.

Слонов, небоскребов, океанов. Не всем же это дается.

– Слоны? – снова пошутила Ксюша.

Мишка встал нормально, усмехнулся.

– Да, слоны. Пойдем, не то простудишься.

В комнате на диване сидели маленькая Таня и Сима. Примеряли бусы из баб Дашиной синей шкатулки с треснутой крышкой. Ксю вспомнила, что уронила эту самую крышку об пол, и так было грустно, так жалко, когда та распалась на две половинки, что она безутешно рыдала, пока мама не склеила части прозрачным и крепким «Моментом».

– Мне, мне, – говорила Таня, наматывая на себя одну нитку за другой. Обвивались вокруг тоненькой шеи красного цвета пластмассовые бусины, черные ромбики гематита, деревянные звездочки, граненые шарики горного хрусталя. Все вместе походило на многослойное, странное и прекрасное ожерелье. Заметив, что Ксю смотрит, девочка выпрямилась и хлопнула в ладоши. – Красиво?

– Очень! – Ксю присела рядом. Мишка повел глазами и прошел спиной сквозь стену, исчезнув с глаз.

Сима растягивала в белых пальцах длинную цепочку. Смотрела на Танюшку ласковым и беспокойным взглядом.

– Хочу бусики с ягодками, – доверчиво сказала Таня, поворачиваясь перед зеркалом, – и чупа-чупс.

– С какими ягодками? – спросила Ксюша, вытаскивая из шкатулки длинную гранатовую нить. Растянула ее на пальцах, показала Симе: – Это вот мои любимые. Я была готова

их носить просто не снимая.

– С вишенками, – Таня обернулась и забрала у нее бусы, мимолетом коснувшись холодной маленькой ладошкой.

– Бабушка тебя звала, – скрестив над животом тонкие руки, медленно сказала Сима и блеснула глазами.

Ксюша подскочила и хотела повторить Мишкин трюк, но рука натолкнулась на обои и не желала идти дальше.

– Когда я уже научусь? – пробормотала она с досадой и под насмешливым Симкиным взглядом прошла через дверной проем в зал.

За столом по-прежнему сидели, и снова было удивительно, как всем хватает места. Баба Даша верховодила: деятельно раздавала тарелки под горячее, разливала компот, спрашивала, не надумал ли кто чаю и, казалось, делала это все одновременно. Дед Коля похлопал по дивану рядом с собой и Ксю села.

– Замуж-то собралась? – спросил дед, подцепляя на вилку длинный огурец из банки.

– Нет пока.

– Потом поздно будет.

Дед захрустел огурцом, а Ксюша почувствовала знакомое раздражение, начавшее подниматься внутри: замуж, дети, чего ты там хочешь, дурию маешься, вот и все. Нет, они с Данькой думали пожениться, но пока что не то чтобы копили на свадьбу или приличную совместную жизнь, пока что просто жили, потому что вдвоем было – нормально, приемлемо,

удобно, понятно. Свадьба маячила рядом близким светлым пятном, Ксюша лениво смотрела платья и рестораны, прекрасно отдавая себе отчет, что это – на потом, на будущее, не сейчас.

– Не поздно, – сердито сказала она, – мне двадцать пять только стукнуло. Это еще детский возраст.

– Ну ну, – подначил дед Коля и многозначительно обвел глазами собравшихся за столом: послушайте, люди добрые. – У твоей бабки уже второй в эти годы на подходе был.

– Ой не ври, – одернула баб Даша, разливая горячий кипяток по кружкам. – Это Валентину я рано родила, а Ваньку в 26, Иринку и вовсе в 32, так старородящей и записали. Как вышло, так вышло, что тут года считать. Да и время сейчас другое, надо это учитывать.

– Одинаковое время, – упрямылся дед, – просто рожать не хотят. О себе всё думают.

– Ну а чего бы о себе и не подумать? – вступилась тетя Шура. – Я вот застудилась вся по молодости, прожила, чай, без детей.

– Как это без детей? – спросил скрипуче дедушка с кустистыми бровями. – Ты племянников воспитала и низкий тебе за это поклон.

– Да мы же там всем миром, – покраснела тетя Шура, – сиротинушек. В один год и матери и отца лишились.

Громкий звон разлетевшегося вдребезги бабушкиного фарфора заставил всех привстать за столом и посмотреть.

Неловко улыбающаяся Сима присела с уцелевшими на ее руках парой тарелок рядом с сияющими белыми срезами осколками и заметила в сторону:

– Хотела в сервант поставить. Как неудачно вышло.

Рядом ней опустилась на колени тетя Ира – Ксю не заметила, когда она подошла. Сдувая с глаз темную челку, белыми руками с крупными кольцами, она принялась составлять из осколков блюда, как мозаику собирала. Ксю выбралась из-за стола, стала ей помогать.

– Вы хотите починить? – догадалась.

Тетя Ира быстро взглянула на нее серыми печальными глазами. Кивнула.

– Край к краю, – сказала, – цветочек к цветочку, листочек к листочку, это несложно. Вот тут каемочка золотая, мы с Вале́й, мамой твоей, тоже однажды этот сервиз уронили. Пыль протирали в серванте, вытащили всё – тарелки, чашки, блюда. Так все и грохнули. Мама нам по заднице веником-то надавала, – тетя Ира повеселела. – Как у Жени дела?

Сима повела глазами, встала со своими двумя тарелками и прошла к серванту, по пути потрепав дядю Диму по плечу.

– Женя ничего, – сказала Ксюша, догадавшись, что они, похоже, снова не общаются, – повысили, кажется. Она теперь молодежный отдел курирует. Машину недавно купила.

– Пусть не гоняет, – помрачнела тетя Ира и хлопнула в ладоши. С хрустящим звоном разбитые тарелки начали соединяться, пока не выросла стопка совершенного целого, без

единой царапины, сервиза. – Иди, посиди еще, я тут управлюсь.

Ксюша неохотно поднялась, вернулась на место рядом с дедом Колей. Вытянув губы трубочкой, тот дул на чай.

– Работаешь? – спросил, покосившись на нее с улыбкой.

– Да.

– Это правильно, – дед звучно отхлебнул из кружки, – это полезно.

– Уволиться хочу.

– А чего? – спросила тетя Шура, разворачивая карамельку. – Тяжело? Ты где работаешь?

– В рекламном агентстве, – неохотно ответила Ксю и сразу пояснила: – Визитки делаем, сувенирную продукцию, баннеры печатаем. Надоело. Думаю, продажи – это не мое.

– А что твое? – с ехидцей спросил дед, напомнив ей маму.

– Не знаю, – Ксю машинальнохватила со стола конфету и зашуршала оберткой, огорченно кусая губы. Сами по себе такие вопросы были обычным делом, родственники постоянно их задавали. Ксюша давала себе зарок не расстраиваться, держаться спокойно, но не всегда получалось. – С людьми, может, работать. Организовывать что-то. Я Данькиной сестре со свадьбой помогала, – она уже поднесла конфету ко рту, да так и замерла.

– Вот она нынешняя молодежь, – вклинился дядя Дима, – работают в тепле, не голодают, а все им не нравится. В наше время выходной получил вовремя уже праздник. В семь

утра пришел на завод, в девять вышел – ну что поделывать, если надо.

– Да и как-то все успевали, – поддержала бабушка Настасья, – и скотину держать, и в огороде управляться, и на танцы бегать.

– Я всю жизнь на одном месте работал, – важно объяснял дед Коля тете Шуре, – не нравится, так что же делать? Где тебе медом намазано?

– Таня, положи конфеты! – беззлобно ругался дядя Паша. – Вот мать увидит! Пей компотик.

– Не хочу! – уворачивалась от стакана Танюшка и лезла под стол с барбарисками, шуршащими зелеными обертками.

Ксюша аккуратно опустила шоколадку на стол, повертела головой, взглядываясь в лица родственников, будто надеясь, что кто-то сдвинется в сторону, а за ним окажется Данька.

– Что ты, Ксюшенька? – заботливо спросила баба Даша, оказавшись рядом.

– Так, – Ксю похлопала по карманам, пытаясь отыскать телефон. В курточке, наверное, остался. Извиняясь, она встала из-за стола, начала протискиваться вдоль дивана. Бабушка Даша шла за ней, удерживая в руке графин, на дне которого влажно поблескивали вишни. Снова оказались в прихожей.

– Данька должен зайти, – через плечо говорила Ксю, встряхивая курточку. – Он зайдет, и мы к его дедушке пойдем, Григорию Владимировичу. Помнишь, я рассказывала? Григорий Владимирович на улице живет такой, с раститель-

ным названием. Полевая? Луговая? Постоянно забываю...

– Степная, – подсказал Мишка, стоявший у косяка.

– Точно, – обрадовалась Ксю и, наконец, ухватила скользкий бок телефона. – Она сразу ведет к площади Понтитова. Там еще памятник...

– Понтитову, – улыбнулся Мишка.

– Да, – закивала Ксюша и шумно, облегченно вздохнула, когда экран загорелся в ответ на нажатие.

– Так может вы бы пока погулять сходили? – баба Даша пристально посмотрела на Мишку. Тот пожал плечами и, взяв у нее графин, высыпал себе на ладонь горсть мокрых ягод. – Миша, в самом деле, сходите. Покажешь, что у нас нового.

– Ой, ба, – отмахнулась Ксю, прижимая телефон к уху. – Данька скоро придет. Вместе с ним и сходим.

– Да когда он еще придет? – баба Даша отобрала графин у Мишки и прошла мимо него на кухню.

Телефон молчал. Гудков не было. Ксю с недоумением смотрела на темный экран. Потрясла мобильник.

– Сети нет, – сказал наблюдавший за ней Мишка, сплевывая в свободную ладонь косточки от вишни. – Перебои какие-то. Может, правда пройдемся?

Ксюша пожалала плечами и, не отвечая, ушла на кухню, к окну. Экран телефона совсем погас. Замерз – догадалась она. Давно пора купить новый мобильник, но здесь в памяти столько фотографий, паролей – все некогда сохранить от-

дельно. А зарядку, кажется, она не взяла. Данька еще говорил ей кинуть в сумку пауэрбанк, может быть, она и кинула – только в его сумку.

Ксюша подняла голову и увидела, что бабушка на нее смотрит.

– Да что ты, бабушка, – ей сразу стало стыдно. Приехала, часа не прошло, а она уже с телефоном. Ксю быстро к ней подошла.

– Ничего, ничего, – баба Даша вытерла кончики глаз вышитым полотенцем, – какая же ты уже большая, Ксюшенька, красивая такая. Глазами на прабабушку свою походишь, на мою маму. Она молодая померла, хорошенькая. Жить бы да жить. Времена тогда другие были. В ваше-то время, может, и выходили бы. А тогда – раз, родила меня и померла. Перекрестить только успела.

Баба Даша спохватилась, махнула рукой, мол, не бери в голову, нашло что-то, закружило.

– Билет-то на поезд где? – спросила деловито.

– Здесь был.

Ксюша вытащила из кармана свернутый пополам розовый билет.

– Надо за пропуском тебе не забыть зайти, – засуетилась бабушка, – а то не выедешь. Погоди, кликну Мишку. Проводит.

Задумавшись, баб Даша так и прошла сквозь стену, прямо в зал. Ксюша погладила обои в крупных пионах и пошла

в прихожую убрать телефон на место. Засунула его во внутренний карман. Подумала, что Данька будет звонить, услышит механический голос «Абонент недоступен», все сразу поймет и поторопится. Когда Ксю застегивала молнию, задребезжал дверной звонок. От неожиданности она вздрогнула. Рука возле курточки замерла и все, что у нее получалось это стоять и слушать. Трескучий громкий звук шел сплошной, врезающейся в мозг, парализующей трелью. Ксюша встряхнулась и, чтобы прекратить его, скорее сделала шаг в двери, пытаясь нащупать замок, открыть, дать Даньке пошее за такие экспромты и обнять его, пожалуй, скорее обнять.

Звонок прекратился, но продолжал звучать в ушах, и Ксю на секунду замерла, чтобы убедиться, что стало тихо и ей это не кажется – замолкли даже голоса в зале. На своем плече она почувствовала чью-то легкую руку. Обернулась недоуменно.

– Подожди, – сказала Сима, аккуратно протискиваясь между ней и дверь. Она оказалась так близко, что Ксю почувствовала запах луга и чего-то такого ягодного, сладкого, и ярко перед глазами встало летнее утро, молочный туман, стелющийся тонкой ватой по влажной траве, росчерк в светлеющем небе далекой птицы. Сима повернулась к ней спиной, приподнялась на носках и заглянула в глазок. Чувствуя неловкость, Ксюша сделала шаг назад.

– Сима – это сокращение от какого имени? – спросила,

сжимая ладонью ладонь.

– Серафима, конечно, – отозвалась девушка, все вглядываясь в стеклянный окуляр, не в силах разглядеть кто там – что там? – за дверью.

Ксю обняла себя руками. Медленно дышала. С ужасающей отчетливостью и холодеющими кончиками пальцев поняла – там не Данька. По коже прошел легкий мороз. Захотелось закутаться в большое одеяло, и чтобы пришла трехцветная кошка, посмотрела своими зелеными глазами-фонариками, разогнала темноту.

– Есть такие ангелы, серафимы, – сказала Ксю, со второй попытки снимая с крючка курточку и накидывая ее себе на плечи. – У них шесть крыльев. Врубель еще рисовал.

Сима опустила круглую заслонку и обернулась к ней. Смотрела.

– Там никого нет. Дети, наверное, балуются.

Ксю ей не поверила. Начала торопливо обуваться. Сима стояла, положив правую руку на узкую железную каемку у двери, а левую на свой живот, словно бы втянувшийся и не такой круглый. Согнувшись, Ксюша завязывала шнурки на ботинках, поглядывая на Симины ноги, обутые в чистейшие розовые носки, стоявшие на лоснящемся от грязи резиновом коврикe. Выпрямилась.

– Ты все? – спросила Сима на опережение.

– Да.

– Мишка на балконе. Сходи.

Ксю сердито сощурилась, но подумала – ладно, пусть он ее проводит, расскажет что-то по пути, экскурсию в конце концов проведет. Она резко отодвинула деревянную занавесь, как была, прошла по комнате, обогнула стол с родственниками, поглядывающими на нее поверх хрустальных салатниц, отодвинула бисерную завесу и снова оказалась в тишине и полутьме маленькой комнаты. Олени на ковре смотрели на нее ожидающе и печально, замерев в паре сантиметров над озерной гладью, навсегда забыв, зачем им сдались эти голубые шелковые нитки, почему так хотелось когда-то опустить к ним голову, чуя носом запах пыльной воды. Богородица на иконе – безыскусная, позеленевшая от времени, чуть повернула к ней Свой едва обозначенный лик, скрытый в тени бумажных цветов, скорбно щурила глаза-черточки. На диване поблескивали бусы, оставленные Танюшкой, сбегали вниз граненой, едва заметной, змеей.

Ксюша щелкнула выключателем, чтобы желтый свет скорее затопил комнату и рассеял все недомолвки, обличил фантазию темноты; но лампочка мигнула и потухла, не загоревшись. Единственный проблеск – жемчужный отсвет неба сквозь прозрачный тюль у открытой на балкон двери. Ксю шагнула туда и с облегчением увидела Мишку, распаивающего окно. Рассохшаяся рама отчаянно скрипела и жаловалась на такое резкое обращение, но парень не обращал на нее никакого внимания.

– Ты пришла, – обрадовался он, пододвигая трехногий

стул к парапету. – Идем гулять. Смотри. Делаешь раз, – Мишка встал на стул и поставил ногу на оградку балкона. – Я бы перемахнул, но тебе так удобнее будет, да? – Мишка перекинул через стенку и вторую ногу. Теперь он сидел на узком краю, удерживаясь руками. – И вниз? Поняла? Делаешь два. Вниз.

– Прыгать? – уточнила Ксю, замороженно глядя на кроны деревьев у первых этажей, на макушки фонарей, блестящую от прошедшего дождя асфальтовую дорожку.

– Именно, это несложно, я поймаю, – Мишка развернулся к ней корпусом, посмотрел прямо в глаза. – Веришь мне?

– Верю, – сказала Ксю, но соврала.

Словно не догадываясь об этом, он ей подмигнул и ухнул вниз – вот только что был здесь, а теперь летит к земле, вытянув вверх руки. Мишка приземлился на обе ноги, даже ничуть не спружинил, просто встал, будто там и был. Он запрокинул наверх лицо и махнул ей рукой.

Ксюша потрогала рукой стул – шатается. Придерживаясь за край балкона, забралась на него, качнулась туда-сюда, рассматривая стоящие напротив стеклянные банки с вареньем. Малина, черника, крыжовник? Ничего не разобрать. Высунулась слегка в открытое окно, почувствовала на лице мокрый воздух, холодный ноябрь, бесконечную пустоту и испугалась. Подалась назад и уже начала падать, зажмурившись, успевая с облегчением думать, что окажется в знакомой полутьме, через которую пройдет назад, к обычной входной

двери, сбежит по лестнице вниз, прикрывая рукой ссадину. Потом улыбнется Мишке, молча извиняясь, ведь он, конечно, прибежит к подъезду, чтобы попенять ей, что если она хочет стать в Березове своей, то надо и быть, как своя. Ксю подхватили чьи-то тонкие руки, обняли за талию, и в следующий момент она поняла, что падает, но только вперед, хотя вообще-то не падает, а летит, ведь вокруг ничего нет, кроме мягкого воздуха и присвистывающего ветра.

Ксю открыла глаза, чувствуя спиной теплую грудь, попыталась запрокинуть голову.

– Не вертись, – строго сказала Серафима, мерно взмахивающая огромными яркими крыльями, летящая вместе с ней.

– Мишка там, – Ксюша провожала взглядом Мишку, идущего, не торопясь, по дорожке, засунув руки в карманы брюк.

– Найдется.

Сима летела вдоль широкой дороги, плавно спускаясь, пока не оказалось, что дорога – это на самом деле река, темная и почти недвижимая, матово блестящая, текущая густо и тяжело. По берегам ее тянули к воде гибкие ветви развесистые ивы и плели свое колкое кружево многочисленные кустарники, уже облетевшие, похожие на то, какими их выделывают на гравюрах по металлу. Сима выбрала для приземления маленькую полянку у реки. Опустилась легко, разжала руки. Когда Ксюша обернулась, то она была уже совсем обычной –

без крыльев и сияющих золотом глаз. Поглаживала свой живот. На улице, в каком-то лесном углу, без верхней одежды и обуви на нее было зябко смотреть.

– Какой у тебя месяц? – спросила Ксюша, расстегивая курточку.

Серафима переступила своими розовыми носочками, улыбнулась.

– Не надо, – ответила, угадав ее намерение, – мне не бывает холодно. Хотя у нас тут многие мерзнут, – она повела по воздуху рукой, разглаживая что-то невидимое, и вытащила из мерцающего небытия большой платок с красной каемкой по краю. Свернула его треугольником и накинула Ксюше на плечи, устроила под капюшоном. – Месяц? Четвертый. Отличный месяц. Самый лучший месяц. Мне он всегда нравился.

– У тебя уже есть дети?

– Да, два мальчика, – Сима села на землю, вытянула ноги к реке. – Муж говорил, хватит, больше никого не надо, а я говорила: как это никого? А девочку? Маленькую такую девочку. Дареночку. Качать ее будем, наряжать будем, в куклы играть, любить. Уговорила его. Радовалась, – она смотрела на воду недвижимым светящимся взглядом, – ты себе представить не можешь, Ксюша. Так и хожу все, радуюсь, радоваться не могу.

Ксюша опустила рядом, чувствуя, как греет Серафимин платок.

– Я ведь мухлюю, Ксюша, – Сима положила на живот маленькую ладонь, и он начал уменьшаться, и платье стало по фигуре, – нам тут можно меняться, как хочется. Все выбирают время, которое нравится помнить. Как видишь, я делаю вид, что беременная. Останавливаюсь на улице, бывает, смотрю на небо, живот круглый глажу и слышу, как Ванька мастерит что-то во дворе, а мальчишки рядом с ним вертятся, кричат, и я могу дверь открыть, выйти к ним, обнять, и мы все вместе, и ласточка под крышу летит – птенцы там у нее. Счастье такое, до слез.

Сима повернула к ней голову и Ксю увидела, что лицо у нее спокойное, тихое, и легкая улыбка на губах.

– Счастья много в жизни, Ксюша, это я потом поняла. Березы шумят, мама колыбельную поет, на танцы позвали. Сама потом качаешь ляльку и напеваешь, как с молоком впитала, – Сима закрыла глаза, сложила руки перед собой и негромко запела: – Стали гули ворковать, стал мой мальчик засыпать, а баю-баю-баю, баю-баюшки, баю.

Серафима замолчала.

– Люли-люли-люленьки, – Ксюша сначала произнесла это не напевно, а просто, потом припомнила мотив: – люли-люли-люленьки, прилетели гуленьки, стали гули горкотать, стали думать и гадать...

– Стали думать да гадать, – подхватила Сима, – чем нам дочку воспитать? Чем нам дочку воспитать...

Они переглянулись с Ксюшей, улыгнулись друг другу и

вместе закончили:

– А мы кашкой с молочкой, да сметанкой с творожком. А-а-а, люли-люли, бай-бай, бай-бай, бай-бай.

Ксю зевнула в рукав, рассмеялась, потерла глаза, почувствовав, что, в самом деле, сейчас бы лучше легла, уснула под колыбельную и шорох катящихся волн, и спала крепко, как в детстве, чтобы проснуться от того, как солнце щекочет нос, и от маминой руки, гладящей ее волосы: пора вставать, моя хорошая, пора вставать.

– С утра я открываю глаза, – сказала Ксюша, – смотрю на Даньку, думаю – спит. Завтракаю, потом на работу иду, еще куда-то иду, иду. Думаю – зачем? Что нужно, то? Куда я должна прийти?

– На Степную ты хотела, – Мишка прошел сквозь кусты и присел рядом с ними на корточки. – О, смородина.

Он легко поднялся и сорвал озябший лист с тонкой веточки, сжал в ладони. Ксюша услышала настойчивый запах мятого смородинового духа, горячего солнца, черной влажной земли. Огляделась: а вокруг лето. Небо отражается в реке, река в небе и всё от того в голубой прозрачной дымке. Блестит трава. На кусте горят бусины ягод в аккуратных маленьких гроздьях. Мишка упал навзничь под смородину.

– Я, знаете, много где успел побывать, – сказал, жмурясь на солнце, высвечивающем веснушки на его бледном лице, – везде по-разному люди живут. Места всякие бывают. Но я так скажу: лучше всего мне было в детстве, когда жара, мам-

ка у окна вышивает, стрекоза мимо летит. Я смородину прямо с куста брал, – Миша поднял руку, – ел ее, кислую. А в груди так мелко-мелко замирало что-то, весело так как-то было, казалось, что всегда это все будет, и петь хотелось, и прыгать, и нырнуть глубоко под воду, плыть, пока воздуха хватит, в легких не заколет, вынырнуть потом, отдышаться и в небо смотреть. Облако-конь, облако-дом, облако-дым.

Мишка опустил руку. Сразу стемнело. Пропало лето, прошло. Только в ладони у него остался смятый лист. Он поднялся, отряхиваясь. Земля с легким шорохом сбегала с его рубашки, штанов, успев высохнуть на минутном солнце. Сима тоже встала, подняла за собой Ксю, по песчаному берегу подвела к реке. Вода закрутилась, повинувшись ее руке, мелко всплеснула, разошлась в сторону и стала окном. По ту сторону показалась поездная платформа, с серо-красным железным аншлагом станции-километра, за которым стояли пожухлые высокие сосны и худые ели, тихонько покачивающиеся, прислоняющиеся друг к другу макушками и что-то шепчущие. Проезжая такую станцию с мыслями: «Кто здесь выходит? Куда идет по тропинке от платформы? Что находит там, по ту сторону леса?», всегда возникает желание спрыгнуть со ступенек своей электрички, ведь только на электричках есть эти тянущие душу минутные безымянные остановки; и выйти однажды там и, хотя бы раз в жизни, узнать, что ты оставляешь позади.

– 67-й километр, – сказала Серафима со значимостью в

голосе. – Вам нужно там выйти.

– Билет до конечной, – возразила Ксю, пытаясь расслышать, о чем же говорят деревья. – Что там?

– До конечной пусть едет Мишка, – глаза Симы снова вспыхнули золотом. Вода пришла в движение, плеснула прозрачно на лесное окно раз, другой, третий и платформа, аншлаг, сосны становились все бледнее, пока не исчезли совсем.

– Ты поедешь тоже? – удивилась Ксю, обернулась к брату. Мишка пожал плечами.

– Я еще не решил, – прищурившись, огляделся. – Надо идти.

– Я домой, – сказала Сима, – мы придем проводить.

Ксюша ее обняла и поспешила за Мишкой по скользкой дорожке, тянувшейся блестящей полосой вдоль кустов. Скоро они вышли на широкий тротуар, освещенный ровным рядом фонарей. Заиндевевшие лужи приятно хрустели, когда случалось на них наступить, ломались белым льдом. Казалось – неверный шаг и упадешь, и вроде бы ничего в этом страшного, но падать – это не лететь по мягкому воздуху, а больно ударяться, потом неловко вставать, озираясь: видел кто? Мишка замедлил шаг, обернулся:

– Извини, я обычно один хожу.

– Все в порядке, – Ксюша пыталась быть бодрой. – Я тоже люблю быстро ходить. Просто скользко.

– Тут самая короткая дорога.

Перешли пустынный перекресток большой дороги и оказались во дворах. Ксю смотрела на панельные пятиэтажки, окружившие их, взявшие в плен. Почувствовала, как становится трудно дышать, будто кислород заканчивается, испаряется из ее легких. Все эти простые фасады, расчерченные на одинаковые прямоугольники; эти аляповатые своей разноцветностью и неоновыми вывесками торговые центры продуктовых и мебельных, поглядывающие вокруг с равнодушным самодовольством; эти желтые барьерные ограждения, уже выцветшие и облезшие, хотя зима еще не успела начаться. Выступающие из студеного вечера здания и их окружение казались буквальными, утверждающими себя, выросшими прямо из серого асфальта: плоть от плоти бетона и алюминиевого композита – вечные при хорошем уходе. Безмолвные свидетели бесконечной тоски.

– Не люблю хрущевки, – призналась она, обегая глазами ровные ряды окон. – Город из-за них такой печальный. Неприятельный.

– Какой-какой?

– Такой, которому ничего не надо. Ни на что не претендующий. Знает, что все так себе, но лучше делать не будет. Смотри, как близко стоят друг к другу. Балконы все одинаковые, под копирку – белый пластик, выступ под цветы и кошек, отделка вагонкой, сушилка для белья. А внутри, я тебе обещаю, – Ксюша развернулась и пошла спиной вперед, – внутри у нас шкафчик для всяких инструментов, банок и за-

бытых игрушек, на полу стоит велосипед или снегокат, а в одном из углов гантели.

– А цветы? – мягко спросил Мишка.

– Цветы зимой на кухонных подоконниках, – Ксюша пошла, как положено, – кошек, правда, выпускают погулять, но они быстро возвращаются.

– Что насчет пепельниц?

– Не существует. Это наглядно показывают лужайки под окнами.

– Камень в мой огород? – понял Мишка.

Ксюша показала ему язык и продолжила мысль:

– Шторами только и отличаются эти окна. Еще посмотри вокруг: всё в проводах. Электрическая сеть, а мы и рады. Нам только, чтобы светло было, плита работала, Интернет. Цивилизация, куда ни кинь.

– Это все так, – задумчиво сказал Мишка, поднял руку и повел над домами, – лепнины нет, эркеров, атлантов. Смотришь и вроде одно и то же. Где красота-то? Архитектурный изыск, какой-никакой? Хоть бы картинку что ли нарисовали. Граффити, во. Только не такое, как на заборе, а художественное. Вот я иду мимо, смотрю вокруг, люди мимо бегут, звякают в пакете то ли минералкой, то ли соком, а может и водкой, что скрывать. Потом там за окнами думают чего-то, говорят, живут. А я иду и смотрю, какое над всем небо. Ты тоже приглядишься.

Ксюша с неохотой посмотрела вперед на просвет меж-

ду домами, где расходился оранжевый закат, подбитый розово-лиловой полосой горизонта. Свет заходящего солнца бронзой горел в каждом стеклопакете бежевых панелек, заковывая их в сияющие доспехи, и это было, пожалуй, красиво и грустно. Перед тем как наступит ночь, бывает, появляется подобное чувство – того, что все заканчивается, как этот день, и поделаться с этим ничего нельзя – нужно просто смотреть.

– Людей нет на улицах, – заметила невзначай Ксю, стряхивая с себя мысли, что принес закат.

– Все на крышах, – беззаботно ответил Мишка и предложил: – Давай тоже повыше поднимемся, – и запрыгнул на ближайший фонарь, встал, балансируя на узком плафоне.

– Я так не умею, – напомнила Ксю и не почувствовала от своего признания обычной неловкости от того, что здесь все могут что-то интересное, кроме нее.

– Ты попробуй, – Мишка приземлился рядом с ней. – Представь, что у тебя на подошвах пружины или, что когда ты поднимешь руки вверх, то полетишь. У нас тут ограничений нет. К этому тяжело привыкнуть, но все может быть. Давай, держи меня за руку. Повторяй за мной: я могу ходить по небу.

– Я могу ходить по небу, – она засмеялась, крепко сцепив с братом пальцы.

– Делаешь раз...

– Делаешь раз...

– Ну это уже можно не повторять. Поднимаемся по лестнице.

Ксюша смотрела в Мишкины глаза и видела, что они серо-голубые, отливающие озерной гладью и сном, и поднималась за ним ступенька за ступенькой. Казалось, под ногами упругий тонкий батут, который вот-вот порвется, но Мишка держал ее за руку и двигался дальше, а она просто шла за ним. Только ступив на крышу, Ксю поняла, что они в самом деле прошлись по воздуху.

– Класс! – она захлопала в ладоши, в восторге подпрыгнула и попыталась зависнуть, но ничего не вышло.

– Пойдем зайдем место.

Крыша была заполнена людьми – в основном молодыми. Разговоров, на удивление, велось мало. Кто-то сидел на краю, кто-то прохаживался туда-сюда. Ксю шла за братом, стараясь ни с кем не столкнуться – это требовало ловкости: некоторые возникали прямо из воздуха и, невозмутимо подмигивая, оглядывались и спешили дальше. Один молодой человек, хлопая большими крыльями, залетел на крышу с рыжим шпиком. Отпустив собаку, он одернул задравшуюся футболку, а крылья пропали.

Мишка прислонился к бортику по соседству с девушкой в черном пальто поверх зеленого платья в клетку.

– Здравствуй, Лида.

Девушка обернулась, и улыбка засветилась у нее во всем лице.

– Миша, ну какой ты молодец, что пришел! – Лида его обняла, и Мишка осторожно обнял в ответ, положив подбородок на узкое ее плечо и закрыв на секунду глаза. По всей его позе, усталой печали, тенью отразившейся на лице, сжатым в нитку губам, Ксю поняла: что-то не так. Он открыл глаза и выпустил Лиду из рук и принял насмешливый вид.

– Это Ксюша, – показал на нее рукой. – Мы с ней родня. Я привел ее посмотреть на закат.

– Я Лидия, – важно сказала девушка, перекидывая через плечо длинную темную косу, – это вы хорошо придумали. Знаете, Ксюша, мы часто сюда поднимаемся. У нас тут у каждого есть любимая крыша. Нам нравится эта. Здесь просторно. И мы с Володей живем неподалеку. Мы с Мишей старые друзья.

– Со школы? – успела спросить Ксю.

– Да, мы учились вместе, – Лида живо обернулась к Мише, и тот согласно кивнул. – А с Вовой вы служили только, до этого не встречались?

– Да.

– Ксюша! В Берёзове лучшие крыши во всем мире! Я, когда сюда приехала, Миша меня первым делом потащил на крышу. Я еще, знаете, была немного расстроена, переезды всегда давались мне нелегко. Володя всю жизнь надо мной смеется по этому поводу, – Лида взмахнула кистями рук и повела глазами, намекая, что у каждого свои странности. – А Миша меня на вокзале встретил, родители тоже...

– Вы одна приехали? – показывая, что следит за нитью разговора, зевнула в кулак Ксюша.

Лида в замешательстве перебросила косу через другое плечо, хлопнула ресницами, посмотрела вдаль, видимо, припоминая вычурные часы вокзала, гулкой перрон, перестук отправлявшегося с третьего пути поезда.

– Да, – спохватилась она, – сначала я приехала, попозже Володя. Так вот, – Лида взяла Ксю под локоть и развернула к закату, – не забывайте смотреть. Мы чемодан мой на квартиру закинули и сюда. Я села, реву, слезы по щекам размазываю, вроде и рада, что приехала – семья тут вся моя, не виделись давно, но и по дому как-то скучаю.

– Вы не любите переезды, – вовремя подтвердила Ксюша, глянула вперед и забыла все слова: Березов лежал перед ней весь, как на ладони, превратившись в сказочный город из стеклянного шара. Низко плывущие облака достраивали шпили и башни плоским кровлям панельных домов, а в синеватом полумраке разноцветно, холодным и теплым светом, горели окна. Закат теперь заливал все небо прозрачным огнем и, вторя ему, вспыхивала пламенно река, продолжая свое неторопливое движение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.